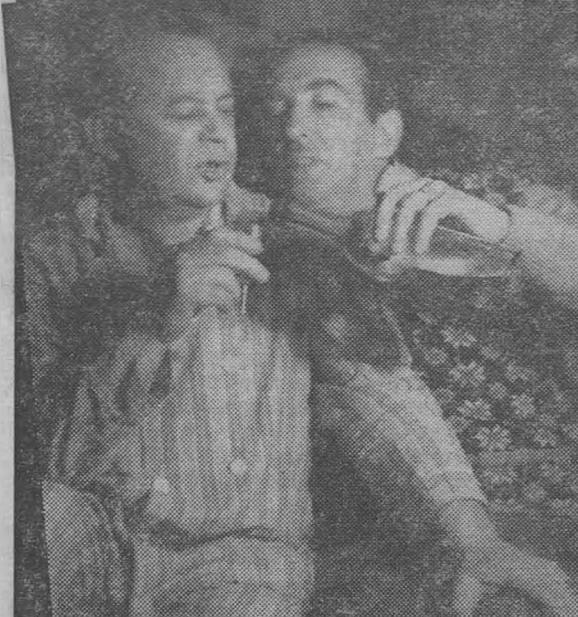

СЕГОДНЯ ЛЮБИМОМУ КОМПОЗИТОРУ
И ЗНАМЕНИТОМУ ШУТНИКУ —

85

С Михаилом Зощенко
(лечащим больного друга
проверенным лекарством).
Январь 1959 г.

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ:

У Никиты Богословского две звезды. Нет, на пиджак их не надеешь — с официальными наградами у него, как ни странно, дело обстоит не блестяще: наверное, аукнулась-таки своевольность характера: гимнов во славу партии не писал, демонстрировал веселость нрава, когда полагалось быть серьезным... Ну а любовь народа, в отличие от любви вождей, в карман не положишь. Зато и проявляется она, народная любовь, в вещах куда более долговременных, чем орденские планки или почетные дипломы. Вот, например, взяли астрономы и назвали именем Никиты Владимировича звездочку — точнее, планету нашей Солнечной системы. На днях же перед столичным государственным центральным концертным залом "Россия" состоялась торжественная церемония закладки памятной плиты-звезды в честь замечательного композитора.

Сам же Никита Владимирович впечатления звездности — в смысле напыщенности, задранного носа и т.п. — отнюдь не производит. Даже на мой вопрос о кульминационных событиях жизни Богословский рассказывает без пафоса, с лукавой усмешкой.

— Самый лучший для меня моментом стала премьера моей оперетты "Как ее зовут" в Ленинградском театре музыкальной комедии. Мне тогда исполнилось — не удивляйтесь — всего 15 лет, но жизненная дорога уже была избрана — и это, конечно, музыка. И вот я с будущим сердцем иду на спектакль, ничего кругом себя не замечая. Вдруг меня кто-то тянет за рукав. Смотрю — билетерша: "Мальчик, ты куда?" От неожиданности я опешил, а она говорит: "Нельзя тебе, придется с мамой в воскресенье на утренник."

А одним из самых печальных случаев явилось постановление ЦК о второй серии фильма "Большая жизнь" году в 46-м или 48-м, точно не помню. Там про мою музыку написано так: "Введенные в фильм песни проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям". Песни были, между прочим, — "Спят курганы темные" и "Три года ты мне снилась"...

— Ваши знаменитые шутки, весь ваш эпигурийский стиль жизни противостоят стереотипу "образцового советского человека". Как вам удалось в ту "серьезную" пору оставаться "несерьезным" и притом уцелеть?

— Вы знаете, меня, наверное, выручали постоянные перетряски в верхних эшелонах нашей власти. Только против меня начнут накапливаться компрометирующий материал, как начальство меняется, вплоть до самого высокого, и расправа откладывается. Впрочем, бывало, и выговоры мне вменялись, а один раз даже исключили из Союза композиторов.

С Мишелем Леграном во время
съемок "Голубого огонька". 1973 г.

А вот другое фото: я в больнице (позтому в пижаме), а навещать меня пришел Михаил Михайлович Зощенко. Мы с ним тесно общались с тех времен, когда я, еще мальчишкой, встретил его на дне рождения дочери Утесова Диты (впоследствии известной певицы). Кроме дяди Миши Зощенко, там были дядя Исаак Бабель, дядя Володя Го-

ди разбудить его были бесполезны. Он лежал перед нами, белый, как вымоченный в воде дождевой червь. Мы были настолько рассержены, ведь он расстроил нашу компанию, что решили отомстить: вырезали из бумаги короткое русское заборное слово и налепили ему на спину... После этого он очень долго не мог появиться ни на пляже, ни в бане: спина загорела, и слово светилось на ней большими белыми буквами... — В кого же вы, этаким шутником и весельчаком, пошли? Наверное, в роду у вас были завзятые юмористы.

— Откуда музыкальность — знаю: мама была пианисткой, училась у Есиповой, которая в свою очередь была ученицей Листа; родной дядя, Георгий Поземковский, — тенор, премьер Мариинского театра, есть пластинка, записанная уже в эмиграции, где он поет дуэтом с Шаляпиным... А вот откуда моя склонность к юмору и проделкам — не знаю. Но проявилась она уже в школьные годы. Я, например, мог залезть по водосточной трубе на пятый этаж школы, приветливо помахать учителям, чем довести их почти до обморока, и преспокойно спуститься тем же путем вниз. Потом, правда, эта склон-

ет: "Да, Марк у меня". Дальше — больше: узнаю голоса Марка, его жены Раи — и в полной растерянности вешаю трубку... Утром звонок — опять Фрадкин. Спрашиваю: "Ну как там в Ленинграде?" Он: "В каком Ленинграде, я в Москве". В общем, чувствую, что схожу с ума... Оказалось — Фрадкены вправду накануне были в Ленинграде и записали на магнитофон свои реплики, примерно угадав, как я буду реагировать на их провокацию, а Соловьев-Седой в нужный момент включил запись...

— И вы не обиделись? — Плохи дела того, кто умеет ценить только свой юмор.

— Не поделитесь секретом — как вам в не слишком радостное наше время удается сохранить душевную молодость и оптимизм?

— Среди моих шуточных перифразов известных афоризмов есть такой: "Служить бы рад, прислуживаться тоже". Так вот, я сам никогда не следовал этому анти-рецепту. Никогда не портил себе кровь карьерными потугами, не лез во власть. Меня очень поддерживает творчество. Я горд тем, что в свои преклонные годы смог сочинить

ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, НО ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ,
ТО... ВСЕ-ТАКИ НЕЛЬЗЯ

Однажды некая женщина из провинции прислала мне ноты: композитор Виктор Матвеевич, вальс-бостон "Королева ночи", издано в Хемнице (Германия) в 1925 году. Я взглянул в них и обомлел... Почему — сейчас поймете. Отнес я эти ноты в Союз композиторов, а там как раз шло совещание (по вопросам творческого метода) и присутствовали самые знаменитые музыканты. Отдаю тетрадку Жене Жарковскому (он хо-

С Иосифом Монтаном, Марком Бернесом,
Юрием Тимошенко и Михаилом
Гаркави. ЦДР, январь 1957 г.

ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ ШЛЯПЫ

- Общество дружбы "СССР — Зюганья"
- Если у Патриисии Каас родится дочка, то ее следует назвать либо Каасса, либо Каассета.
- Разбитое сырое яйцо — куринный аборт.
- Многие депутаты на каникулах отдыхают во Фракции.
- Мы в своих глазах уже не видим и бревна, которое Ленин носил на субботнике.

рошо читал с листа), тот играет — и вдруг один из наших весьма популярных композиторов бледнеет как мел: это почти в точности, нота в ноте, его песня, за которую он получил Сталинскую премию! Разразился скандал, за этого композитора, к моему удивлению, вступились Кабелевский и Шостакович, который вообще был очень добрым человеком. Все кончилось тем, что получил выговор... я.

— Да, правду-матку резать небезопасно. У вас не портились при этом отношения с людьми?

— Кое с кем портились, иные даже переставали здороваться. Конечно, среди них не было тех, кого я считал и считаю своими настоящими друзьями. Горжусь, например, дружескими отношениями с тем же Шостаковичем, с Арамом Хачатуряном. Взаимная, по-моему, приязнь связывала меня с Прокофьевым — хоть он, когда я жил одно время над ним в поезде Художественного театра, и стучал мне шваброй в потолок, если я играл на рояле в неположенные часы; конечно, когда сам Сергей Сергеевич начинал в восемь утра заниматься, я не смел протестовать.

ровиц и дядя Володя Софроницкий катали детей на себе, мы устраивали подобие конного сражения, не подозревая, что восседаем на плечах великих музыкантов.

Конечно, не могу не вспомнить моих закадычных товарищей по Центральному музыкальному техникуму и затем по Ленинградской консерватории — Васю Соловьева-Седого, Ваню Дзержинского. Мы были почти неразлучны и даже отдыхать старались вместе. Кстати, с нашим совместным отдыхом связан один забавный эпизод. Мы подзаработали и на добытые средства мы поехали в Сестрорецк отдыхать. Вели там очень праведный образ жизни: плавали, загорали, не брали в рот ни капли спиртного... Вдруг получаем телеграмму: "Кончайте художества, выезжайте" — и вслед за ней является Вася Соловьев-Седой, в руках у него авоська, из которой торчат сосиски с какой-то бесцветной жидкостью... Мы провели веселую ночь — утром же, по заведенному обычаю, пошли на пляж. Однако наш друг Вася оказался не способен ни на что другое, кроме как лечь на живот и заснуть мертвецким сном. Все попыт-

ность приняла более уважаемые формы: я стал писать стихи, фельетоны в ленинградских газетах, впоследствии — книжки, коих к сегодняшнему моменту накопилось уже семь.

— Среди шуток, которые вам приписывают, попадаются и довольно жестокие...

— Это апокрифы. Вы, наверное, имеете в виду то, как опечатали сургучом квартиру эстрадного артиста Владимира Хенкина? Так это проделал его коллега Смирнов-Сокольский. Сергея Михалкова разыграли писатели Александр Кривицкий и Борис Ласкин — будто бы ему заказали написать церковный гимн, и он действительно пришел в условное место на якобы тайную встречу с "заказчиками"... Юрия Олешу отпустил в пьяном виде в Киев Валентин Катаев (самое смешное заключалось в том, что он понял — его разыграли, но не понял, как: решил, что шутники перевесили все вывески на украинском языке).

Давайте я лучше расскажу вам, как "купили" меня самого.

— Неужели и вас разыграли?

— Еще как! Однажды ко мне пришел в гости мой друг Марк Фрадкин. Ну, посидели, я вышел проводить его к машине, он уехал... Вдруг через пять минут звонит телефон — говорит Марк. Я ему: "Что, машина сломалась?" (а ему ехать от меня минут двадцать). Он: "Я из Ленинграда звоню". Отвечаю, естественно: "Не валяй дурака" — и слышу в ответ: "Давай держать пари на ящик коньяка, что я в Ленинграде. Не веришь — позвони Соловьеву-Седому, я у него". Звоню Седому, и тот меня ошеломля-

кое-что свежее и даже, возможно, прежде небывалое: например, оперу без пения (мои музыкальные драмы "Балаганчик" и "Незнакомка" по Блоку, поставленные в Камерном музыкальном театре у Бориса Покровского), любопытную с точки зрения оркестрового письма Восьмую симфонию. Второй струнный квартет "в трех скетчах", где только с помощью приемов игры на инструментах, без единого сказанного слова, изображаются забавные сценки. А сейчас у меня в работе одноактная опера "Приемный день у начальника", где поет только главный герой, партии же посетителей-просителей озвучивают музыкальные инструменты.

Я никогда не вел так называемого правильного образа жизни. Ложусь спать в два часа ночи. Ненавижу гулять, обожаю валяться на диване с книжкой. Любимое чтение — Пушкин, Лермонтов, ранний Заболоцкий, Аркадий Аверченко, которого ошибочно считают фельетонистом — это настоящий большой русский писатель. Терпеть не могу Достоевского с его психологическими исканиями, предпочитаю ему жизнерадостного Рабле... Настоящей пищей считаю мясо или рыбу. Слава Богу, Аллочка, моя жена, это знает и кормит меня вполне удовлетворительно (притом что это не единственный и не главный ее талант — все-таки она прежде всего композитор).

— Расскажите, пожалуйста, о том, как вы познакомились.

— Это случилось на одной вечеринке у общих знакомых. Потом я как-то проходил мимо Дома композиторов и увидел ее, спросил, как поживает, сказал просто так, ни о чем особенном не думая: зашли бы как-нибудь в гости... И как-то было мое удивление, когда она согласилась! Мы провели чудесный вечер, я поставил ей пластинку с моими симфониями, она мне поиграла свои сочинения... Потом пришла еще раз. Вот так закрутился роман, который продолжался полгода, и уже когда мы поняли, что порознь нам нельзя, оформили наши отношения. Кое-кого это, может быть, удивило, ведь между нами большая разница в возрасте. Но когда люди любят друг друга, разве это имеет значение? Мы даже сочиняли стихи вместе, несколько лет назад появилась на свет наша первая совместная песня на стихи моего сына Андрея. Мы ее назвали, может, не очень оригинально, но зато в точном соответствии с нашим чувством: "Свет любви"...

Вел беседу
Сергей БИРЮКОВ.